СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДВѢ ГЛАВЫ

изъ Восточной Повѣсти

ЗАЛЬМАРА.

ПОСВЯЩЕНО

А. В. СТРЕМОУХОВУ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Подъ небомъ Азіи прекрасной,
Въ поляхъ, взлелѣянныхъ весной,
Гдѣ воздухъ полонъ нѣги страстной
И миртъ, питомецъ полевой,
Цвѣтетъ игривой красотой,
А на скалѣ сѣдой и дикой,
Обвитый гордой повиликой,
Печально дремлетъ кипарисъ;

Въ странѣ, гдѣ бурно пронеслись
Опустошительныя брани;
Тамъ, гдѣ Конрадъ и Лузиньянъ,
Съ мечемъ кресты пріемля въ длани,
За гробъ Христа, за Христіанъ,
Сражали сонмы Музульманъ —
На высотахъ Птоломаиды,
Гдѣ съ величавымъ моремъ слитъ
Вѣками созданный гранитъ,
Какъ древній, пышный храмъ Киприды,
На двухъ отлогистыхъ холмахъ,
Стоялъ дворецъ Али-Махмета.
Туда, прославленный въ бояхъ
И утомленный шумомъ свѣта,
Богатый Ага, въ сумракъ дней,
Пріѣхалъ съ дочерью своей.

Стремясь къ забавамъ сладострастья,
Сѣдой Махметъ въ дворцѣ своемъ
Разсыпалъ всѣ приманки счастья.
Паросскій мраморъ съ серебромъ,
Въ столбахъ высокихъ разсыпаясь,
Другъ съ другомъ спорятъ въ бѣлизнѣ;
Тамъ по узорчатой стѣнѣ
Разнообразно оттѣняясь,

Висятъ завѣтные ковры —
Тейрана пышные дары.
Изъ злата Мексики литые,
Близь табуретовъ, на коврахъ
Стоятъ сосуды дорогіе,
Небрежно скрытые въ цвѣтахъ.
А подлѣ стѣнъ, какъ истуканы,
Бѣлѣя, тянутся диваны;
Бухарской тканію покрытъ,
На нихъ лебяжій пухъ лежитъ.
Вдали, подъ сводами нѣмыми,
Взоръ тонетъ въ длинномъ рядѣ залъ,
Гдѣ, между дулами стальными,
Мелькаютъ шашка и кинжалъ.
Рѣзьбой украшенныя спальни,
Гарема темный переходъ
И въ шумѣ ароматныхъ водъ
Востока дивныя купальни.
Бассейновъ свѣтлая рѣка,
Согласный бѣгъ свой совершая,
Отъ арабесковъ потолка
Душистой влагой низпадая,
Гремитъ и плещетъ здѣсь и тамъ,
Скользя по мраморнымъ угламъ.
Вокругъ чертоговъ извивались
Великолѣпные сады —

Аллей угрюмые ряды
До ската моря простирались.
Переплетясь, по сторонамъ,
Вели тропинки къ цвѣтникамъ.
По рощамъ царствуетъ молчанье,
Лишь иногда, въ вечерній часъ,
Тревожитъ въ нихъ очарованье
Залетной птички стройный гласъ.

На шуманномъ сводѣ неба
Утро Майское встаетъ,
Тихо, медленно лучь Феба
Изъ-за тучь сіянье льетъ.
Плещутъ волны голубыя
Въ неприступныхъ берегахъ
И костры сторожевые
Погасаютъ на холмахъ.
Челны по морю несутся,
Смѣлъ и радостенъ пловецъ,
Въ высотѣ касатки вьются,
Просыпается дворецъ.
Вотъ смѣнились часовые,
Чу!... раздался въ башнѣ звонъ....
Бродятъ евнухи нѣмые
И Гаремъ ужъ пробужденъ.

Халатъ набрсивъ разноцвѣтной,
Сидитъ властительный Махметъ,
И передъ нимъ струей привѣтной
Кипитъ и пѣнится шербетъ.
Задумчивъ Ага — съ нетерпѣньемъ
Въ Гаремъ не поспѣшаетъ онъ;
Любимый Евнухъ съ униженьемъ
Напрасно хвалитъ прелесть женъ —
Въ душѣ Махмета встрепенулись
Мечты давно забытыхъ дней.
Онъ снова въ памяти своей
Зритъ время то, когда толпились
Предъ нимъ всѣ призраки честей.
Давноль, внимая клику славы,
Такъ радостно на бой кровавой
Онъ мчался съ тучей Янычаръ?
Бывало онъ, нѣмой и страстной,
На грудь наложницы прекрасной
Упавъ, восторгамъ нѣги въ даръ
Готовъ принесть безъ сожалѣнья
Весь чадъ земнаго прославленья;
А нынѣ.... Гдѣ жъ слѣды тѣхъ лѣтъ?
Исчезли! Онъ и дряхлъ и сѣдъ.
Часы бѣгутъ — одѣлся Ага;
На кушакѣ его висятъ
Два пистолета и булатъ.

Но вотъ зажглась въ глазахъ отвага,
Спѣшитъ въ лѣса на травлю онъ,
Летунъ Арабскій подведенъ.
Вдругъ у воротъ раздался топотъ,
Заржали кони у дворца,
Въ толпѣ рабовъ поднялся шопотъ,
И вдоль чугуннаго крыльца,
Сливаясь съ мѣрными шагами,
Цѣпей тяжелыхъ слышенъ громъ....
Вотъ ближе, ближе — и потомъ
Остановились за дверями.
Рука пришельца знакъ дала,
Невольникъ двери отворяетъ,
Въ чертогъ съ поклонами вступаетъ
Начальникъ стражи Абдула.

АБДУЛА.

Я встрѣтилъ нынче караванъ,
Вели невѣрныхъ. Межъ толпою
Меня одинъ изъ Христіанъ
Плѣнилъ чудесной красотою.
Онъ купленъ мной — ты для него
Назначь удѣлъ.

МАХМЕТЪ.

Введи его!

Протяжно цѣпи зазвучали....
На грудь поникнувъ головой,
Какъ жертва рока и печали,
Предсталъ невольникъ молодой.
Махметъ безмолвенъ; изумленный,
Онъ на невольника глядитъ,
Несчастный юноша стоитъ
Предъ нимъ какъ Ангелъ воплощенный.
Представьте послѣ грозныхъ сѣчь,
Склоненнаго на острый мечь,
Въ раздумьи кроткомъ бога брани,
Когда, стирая кровь со длани,
Тревогой бранной утомлёнъ,
На лаврахъ отдыхаетъ онъ:
Таковъ невольникъ черноокой;
Но на младомъ его челѣ,
Какъ слѣдъ тумана на стеклѣ,
Лежитъ страданья слѣдъ глубокой.

МАХМЕТЪ.

Невѣрный! изъ какой страны
Ты приведенъ въ мои владѣнья?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Удары рока всѣмъ равны —
Моя судьба урокъ смиренья.
Въ Германіи сестру и мать
Покинулъ я. Пріютъ туманный!
Тебя мнѣ больше невидать;
Не мнѣ свиданья часъ желанный.
Три года протекли съ тѣхъ поръ,
Какъ я, пришедши въ ваши степи,
Нашелъ страданія, позоръ,
И нищету, и эти цѣпи.

МАХМЕТЪ.

Гяуръ!... Ты гордъ — за эту рѣчь
Слетитъ глава съ надменныхъ плечь....
Кто ты?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Твой рабъ. Чего же болѣ?
Увы, въ постыдной этой долѣ
Твой гнѣвъ меня не устрашитъ;
Мнѣ жизнь постыла. Если плаха
Моей главѣ теперь грозитъ, —
Иду на смерть, иду безъ страха.

Махметъ молчитъ. Суровый взоръ
Изобразилъ страстей раздоръ;
И въ душу деспота впервые
Проникла жалость; такъ порой
Лучи денницы золотые
Проходятъ въ бездну подъ скалой.
Онъ цѣпи снять повелѣваетъ,
Пила принесена рабомъ,
Желѣзо стали уступаетъ
И съ громомъ падаетъ къ ногамъ.

Томится плѣнникъ. Дни младые
Убиты хладною тоской:
Все манитъ юношу мечтой
На берега его родные.
Когда денница въ облакахъ
Вспорхнетъ, беспечная какъ младость,
И на лазурныхъ высотахъ
Прольетъ спокойствіе и радость:
Тогда и въ воздухѣ самомъ
Страдальцу чудится родное,
И что-то грустное, святое
Напоминаетъ о быломъ.
Ручья-ль услышитъ дальній шопотъ, —
Идетъ, задумавшись, къ нему:

Свободной Эльбы стройный ропотъ
Внезапно слышится ему,
Промчится-ль, вихремъ уносимый,
Надъ нимъ плѣнительный напѣвъ
Гарема недоступныхъ дѣвъ:
Воспоминаніемъ томимый,
Къ стѣнамъ Гарема онъ спѣшитъ;
Напѣвъ замолкъ, а онъ стоитъ:
При звукахъ рога и свирѣли
Въ его отчизнѣ такъ же пѣли.
И долго тутъ онъ слезы льетъ;
Но слезъ горючихъ не сотретъ
Рука заботливаго друга.
Ахъ! кто въ тяжелый часъ недуга,
Къ нему съ участьемъ подойдетъ?
Здѣсь люди чужды состраданья....
Поймутъ ли здѣсь его страданья?
Нѣтъ, холодна въ тиранахъ сихъ,
Душа какъ сталь кинжаловъ ихъ.

❋

Природа спитъ въ туманахъ ночи,
Въ палатахъ Аги тишина;
Лишь плѣнника печальны очи
Не знаютъ наслажденій сна.

Страдалецъ ложе покидаетъ,
Чертогъ, площадку пробѣгаетъ,
Минуетъ стражи спящій рядъ,
И входитъ въ отдаленный садъ.
Изъ облакъ медленно всплывая,
Глядитъ луна въ кристаллы водъ,
Затихъ аллей душистый сводъ,
На немъ горитъ роса ночная.
Идетъ невольникъ — вдругъ предъ нимъ
Послышались отзывы пѣнья . . . .
Онъ поднялъ взоръ и недвижимъ
Остолбенѣлъ отъ удивленья.
Предъ нимъ склонясь на дернъ цвѣтовъ,
Какъ мимолетная отрада,
Какъ свѣтлая мечта боговъ,
Въ красѣ небрежнаго наряда
Турчанка юная сидитъ.
Смущенный юноша глядитъ,
Не сводитъ взора съ дѣвы милой,
И въ первый разъ чудесной силой
Забилось сердце у него.
Явленья страннаго сего
Никакъ постигнуть не умѣя,
Изумлена, поражена,
То негодуя, то робѣя,
Встаетъ стремительно она.

ТУРЧАНКА.

Скажи, невольникъ дерзновенный,
Какою гибельной стезей
Ты въ этотъ садъ уединенный
Былъ заведенъ во тьмѣ ночной?
За чѣмъ ты здѣсь? Какія чары
Предъ зоркой стражей ты разлилъ?
Невѣрный! развѣ ты забылъ,
Что нарушать покой Зальмары
Есть преступленіе?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Умѣрь,
Смягчи порывы гнѣвной рѣчи!
Я невиновенъ.... О, повѣрь,
Непостижимой этой встрѣчи
Я и не ждалъ и не искалъ.
Увы, безъ думъ, безъ всякой цѣли,
Какъ осужденный я блуждалъ:
Воспоминанья пламенѣли
Въ моей измученной груди.
Я шелъ — отрадно впереди
Шептали темныя аллеи;
Луна и звѣзды, и ручей,
И эти спящія лилеи:

Все ночи родины моей
Напоминало мнѣ собою.

ТУРЧАНКА.

Бѣги! Законъ Гарема строгъ!
Спѣши! спѣши скорѣй въ чертогъ,
Не то проспишься съ головою.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Но кто ты? Дивная краса!...
Скажи, волшебница младая,
За чѣмъ, покинувъ небеса
И изумрудный теремъ рая,
Пришла ты въ мракъ земныхъ садовъ
Лелѣять мягкій пухъ цвѣтовъ?

ТУРЧАНКА.

Я дочь Махмета — я Зальмара.
Неумолимъ родитель мой!
Страшись, его ужасна кара!
Бѣги! —
Излучистой тропой
Поспѣшно дѣва убѣгаетъ,

Скользитъ по радужнымъ цвѣтамъ,
Подходитъ быстро къ воротамъ,
И рѣзвой тѣнью исчезаетъ.
Но, очарованъ, восхищенъ,
Нарушивъ сердца мирный сонъ,
Стоитъ невольникъ: въ немъ впервые
Бушуютъ страсти молодыя....
Что видѣлъ онъ? чему внималъ?
Иль это слѣдъ его мечтаній?
Иль въ забытьи своемъ леталъ
Онъ въ дальній край очарованій?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обычно день идетъ за днемъ,
Уже погасъ свѣтильникъ лѣта,
Обильнымъ осени ковромъ
Природа пышная одѣта. —
Зальмара часто по садамъ
Одна, задумчивая, бродитъ;
И часто, часто что-то тамъ
Печаль на сердце ей наводитъ.
Очемъ же грусть? Какой бѣдой
Встревоженъ духъ, Зальмара, твой?
Иль солнце знойными лучами
Сожгло любимый твой цвѣтокъ?
Быть можетъ, брошенъ онъ въ потокъ,
Чужими сорванный руками?
Смотри, цвѣтокъ твой невредимъ,
Онъ рдѣетъ прежней красотою;
За чѣмъ же, стоя передъ нимъ,
Ты зарумянилась слезою?
Межъ померанцовыхъ аллей
Порхаетъ поздній соловей;

Тебя онъ къ нѣгѣ призываетъ ;
Его отрывистая трель
Звучитъ какъ дальная свирѣль,
И въ зыбкомъ эхѣ умираетъ.
Но соловей тебѣ не милъ,
Его ты слышишь безъ вниманья ;
Зальмара, кто же возмутилъ
Твои бывалыя мечтанья ?
За чѣмъ, за чѣмъ уходишь ты
Въ тѣ отдаленные кусты,
Гдѣ при лучахъ луны высокой
Твоимъ испуганнымъ очамъ
Предсталъ невольникъ черноокой —
Ужель цвѣты душистѣй тамъ ?

Но чтожъ невольникъ ? — Новыхъ думъ
Товарищъ вѣрный, неразлучный,
Страстямъ порабощая умъ,
Онъ измѣнялся злополучный.
Съ его неопытныхъ очей
Упали тусклые покровы,
И передъ нимъ въ красѣ своей
Явился міръ какой-то новый.
Свершились цѣли бытія !
Онъ все понялъ одной мечтою

Отчизна, мать, сестра, друзья —
Забыто все! — Съ его душою
Теперь спознался новый другъ;
Ему и дневный свой досугъ,
И ночь страдалецъ посвящаетъ;
Ему съ восторгомъ онъ ввѣряетъ
Надежды сердца, сладкій сонъ
И пробужденья тяжкій стонъ.
Съ какихъ же выспреннихъ селеній
Слетѣлъ нежданый этотъ геній?
— То знаютъ небо, садъ и ночь,
И гордая Махмета дочь.

Съ утра покинувши чертоги,
Махметъ гуляетъ по лѣсамъ;
Олень вѣтвистый, быстроногій
Ему забавой служитъ тамъ.
Давно на башняхъ мѣрнымъ боемъ
Пора полудня пронеслась;
Лѣниво стража разбрелась,
Томима солнца сильнымъ зноемъ.
Нашъ Европеецъ молодой
Благословляя мигъ свободы,
Гарема каменные своды
Слѣдилъ любимою мечтой.

Тамъ, за гранитною стѣною,
Зальмара, какъ царица розъ,
Цвѣтетъ безпечной красотою,
Не зная бѣдъ, не зная слезъ.
Вся жизнь для ней одна забава,
Въ алмазы рядится она,
Ея отца вѣнчаетъ слава,
Она породою Княжна.
А онъ .... богатый лишь цѣпями,
Рабъ, позабытый межъ рабами,
Влача судьбы своей позоръ,
Онъ къ ней стремить дерзаетъ взоръ!
Что за любовь онъ ей предложитъ!
Ахъ, кромѣ сердца ничего;
Любовь безумная его
Лишь стыдъ нанесть Зальмарѣ можетъ.
Отвѣй же милыя черты,
Сокройся, призракъ - обольститель;
Ты не отрадный утѣшитель,
Лукавый врагъ страдальцу ты. —

Такъ сердце юноши тѣснили
Волненья безотрадныхъ думъ;
Онѣ и сердце въ немъ и умъ
Смертельнымъ ядомъ отравили.

За чѣмъ итти? чего бѣжать?
Надежды, счастья гдѣ искать?
За нимъ, предъ нимъ одинѣ мученья —
Гдѣ жъ свѣтлый міръ успокоенья?
Уставъ земли печаль и кровь,
Здѣсь золото въ союзѣ съ силой;
Но гдѣ же радость, гдѣ любовь?
Найдешь ли ихъ хоть за могилой?
Печальный юноша глядитъ....
Какъ вдохновенье молодое,
Какъ Херувима кроткій видъ,
Сіяетъ небо голубое.
Творецъ! Твой міръ.... прекрасенъ онъ!...
. . . . . .
Вдругъ легкій шорохъ за спѣнами,
Вотъ тихо брякнули ключами,
Дверь потаенная скрыпитъ,
Невольникъ смотритъ боязливо....
Его къ Гарему торопливо
Рабыня черная манитъ.

РАБЫНЯ.

Сего дня, въ полночь — какъ проглянетъ
Надъ моремъ блѣдная луна —

Когда дробиться перестанетъ,
Заснетъ игривая волна:
Сюда, прокравшись осторожно,
Пройди въ сады чрезъ эту дверь,
И подожди въ кустахъ. Теперь
Возми, вотъ ключь. Мнѣ не возможно
Здѣсь долго мѣшкать.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Я? — За чѣмъ
Туда приду я?

РАБЫНЯ.

Ты никѣмъ
Не будешь узнанъ.... Въ часъ свиданья
Узнаешь все. —
Рабыни нѣтъ,
И гулъ шаговъ — какъ давнихъ лѣтъ
Однообразныя преданья,
Едва хранимыя молвой —
Смѣнялся мертвой тишиной.

Темнѣетъ. — Вечеръ. — За стадами
Съ косматымъ псомъ идетъ пастухъ,
Лучь солнца вспыхнулъ надъ холмами,
И яркимъ заревомъ пошухъ.
Волнистый паръ клубится въ полѣ,
Зажженъ маякъ по берегамъ.
Махметъ, пустивъ коня по волѣ,
Спѣшитъ къ дворцовымъ воротамъ.
За нимъ, дорогой пыль взвѣвая,
Ловцовъ дружина удалая,
Привставъ отважно въ стременахъ,
Летитъ на борзыхъ скакунахъ.
Везутъ ловитвы плодъ кровавый,
Сзывая псовъ, рога трубятъ;
Ловцы о трудностяхъ забавы,
О хитромъ звѣрѣ говорятъ.
Къ стѣнамъ зубчатымъ подъѣзжаютъ,
Мосты подъемные спускаютъ,
Огни мелькнули на крыльцѣ,
Усталый Ага во дворцѣ, —
Рабы коня его уводятъ.
Добыча сложена въ шашеръ,
Смѣняясь, воины разводятъ
У стѣнъ дымящійся костеръ.

Передъ палатами Махмета
Еще дробятся голоса.
Широкой шашки полоса,
Встрѣчаясь съ дуломъ пистолета,
Гремитъ, и искрой золотой
Скользитъ по сѣрой мостовой.
Ловцы, сдвигаясь тѣснымъ кругомъ,
Сидятъ, бесѣдуя другъ съ другомъ.
Досугъ вечерній коротятъ
Саади дивныя преданья;
Предметомъ общаго вниманья:
Лобовь, измѣна и булатъ.
Но вотъ молитвы часъ обычный
Зоветъ къ покою Мусульманъ,
Ихъ ожидаетъ долгъ привычный,
Ихъ призываетъ Алъ-Коранъ.
Встаютъ, расходятся. Пустѣетъ,
Безмолвствуетъ широкій дворъ;
На немъ, подъ кучей пепла, тлѣетъ
Янтарнымъ пламенемъ костеръ.

Сѣдая тѣнь спорхнула съ мѣста,
Кругомъ и сонъ и тишина;
Какъ пробужденная невѣста,
Нѣжна двурогая луна.

Бьетъ полночь .... Сонъ одолѣвая,
Передъ крыльцемъ невольникъ ждетъ;
»Пора! пора!« и, чуть ступая,
Къ стѣнамъ Гарема онъ идетъ.
Онъ ищетъ двери потаенной ....
За колонадой отдаленной,
Уединенна и мрачна,
Глазамъ является она.
Идетъ къ ней, слушаетъ .... молчанье!
Сжимая ключь, его рука
Предъ узкой скважиной замка
Вдругъ ощутила содраганее ....
Дверь отворилась — бѣглый взглядъ
Встрѣчаетъ усыпленный садъ.
Невольникъ быстро отступаетъ,
По членамъ холодъ пробѣгаетъ,
И, будто смертью пораженъ,
Итти впередъ не смѣетъ онъ:
Его томитъ недоумѣнье,
Какъ туча въ сердце у него
Ложится черное сомнѣнье.
За чѣмъ итти! Кто ждетъ его?
Чьи тамъ заботливыя очи
Увидятъ онъ во мракѣ ночи?
Рабыня .... чья? Свиданье .... съ кѣмъ?
И кто желаетъ этой встрѣчи,

И для чего? — Призывной рѣчи
Онъ не забылъ; но кто Гаремъ
Въ подобный часъ покинуть можетъ?
Кто бдѣнье стражи превозможетъ?
Кто, кто таинственный тотъ другъ?
Быть можетъ, онъ гонимъ судьбою,
И хочетъ сердца злой недугъ
Смягчить участія слезою —
Быть можетъ, ждетъ его любовь....
Но чья она?... Уже ли...? Вновь
Къ дверямъ какъ вихрь онъ подбѣгаетъ —
Его Зальмара призываетъ! —
Исчезло все — сомнѣнье, страхъ;
Идетъ, идетъ.... потомъ въ кустахъ,
Съ разувѣреніемъ сражаясь,
Остановился, озираясь.
Глядитъ — знакомые кусты:
Къ нимъ садъ Махмета примыкался;
Аллея тамъ.... тѣжъ цвѣты
И тамъ тропинка — здѣсь плѣнялся
Онъ красотой царицы — дѣвъ,
А тамъ, мелькая межъ деревъ,
Она, какъ серна, убѣгала;
Тутъ съ очарованной душой,
За ней стремился онъ мечтой;
Тамъ, близъ воротъ, она пропала.

Глядитъ — все въ сумракѣ ночномъ;
И будто въ нѣдрѣ гробовомъ
Опочиваетъ твердь земная.
Лишь, выходя съ морскаго дна,
Грохочетъ зыбкая волна,
О берегъ пѣной ударя:
Лишь, сбросивъ съ дерева листокъ,
Въ куртинахъ шепчетъ вѣтерокъ.
Очнулся юноша; волненій
Смирить не можетъ онъ; опять
Тоски мертвящая печать
Кладетъ въ душѣ бразды мученій.
Безумецъ! какъ, онъ думать могъ,
Что недоступная Зальмара
Оставитъ пышный свой чертогъ,
И, дѣтскихъ чувствъ живаго дара
Еще не ввѣря никому,
Придетъ къ невольнику.... къ нему?
Придетъ за тѣмъ, чтобъ взоромъ яснымъ
И голосомъ стыдливо-страстнымъ
Сказать, восторговъ не тая:
— *Люби меня!... на вѣкъ твоя!* —
Но если жъ?... Нѣтъ, она не знаетъ....
Его любовь, его тоска
Надмѣнной дѣвы далека;
Она о немъ не помышляетъ....

Онъ убѣжитъ; быть можетъ, тщетъ
Его однѣ измѣны ждутъ.
Такъ иногда, въ часъ непогоды,
Струистыхъ молній блѣдній лучь,
Скользнувъ по скату сизыхъ тучь,
Развеселитъ чело природы;
Вдругъ перекатный грянетъ громъ, —
И снова мракъ и смерть кругомъ.

Уже невольникъ удалялся;
Но, выходя изъ-за кустовъ,
Онъ слышитъ дальній гулъ шаговъ:
Поспѣшно кто-то приближался.
Мелькнулъ клубящійся покровъ....
Опять.... исчезъ.... бѣлѣетъ снова;
Шаги слышнѣе — шелестъ ихъ
Вблизи кустарника густаго
Остановился и затихъ.
Едва дышатъ невольникъ смѣетъ,
Опять сомнѣнье пламенѣетъ
Въ умѣ испуганномъ его. —
Въ куртинахъ шорохъ повторился,
Ясминный кустъ зашевелился;
Раздвинувъ вѣтви, изъ него,
Стройна, какъ пальма садовая,

Выходитъ робкая краса;
На ней одежда дорогая
Свѣтла, какъ Майская роса.
Съ чела откинувъ покрывало,
И молчалива и томна,
Подходитъ медленно она.
Кого же сердце въ ней узнало?
Невѣритъ юноша глазамъ,
И думаетъ: опять къ мечтамъ
Душа убитая склонилась;
Увы, въ ней сильно вкоренилась
Неотразимая мечта.
Предъ нимъ.... Нѣтъ, нѣтъ! то слѣдъ забвенья;
Слѣпой порывъ воображенья:
Предъ нимъ Зальмара — но не та,
Какою зрѣлъ ее онъ прежде!
Не блескъ — туманъ въ ея очахъ;
Не розы — блѣдность на щекахъ;
Въ ея походкѣ и одеждѣ
Теперь задумчивость и лѣнь;
Зальмара — плачущая тѣнь
Надъ одинокою могилой
Подруги, вѣчно сердцу милой!

ЗАЛЬМАРА.

Остановись, невольникъ! Мной
Ты приглашенъ сюда къ свиданью,
Я посылала за тобой.
Не удивляйся же молчанью
Зюлемы преданной моей;
Я строго запретила ей
Сказать.... Но скроемся въ аллею,
Иди за мною, въ тишинѣ
Узнаешь все.... Здѣсь страшно мнѣ,
Съ тобою быть я здѣсь не смѣю:
Замѣтитъ евнухъ, а тогда
Обѣимъ намъ придетъ бѣда.

И вотъ тропой едва замѣтной,
Она съ невольникомъ пошла,
Робка, задумчива была;
Но взглядъ то грустный, то привѣтной;
И — примиритель страстей —
Порою слезы изъ очей:
Все гордой дѣвѣ измѣняло.
Невольникъ.... ахъ, какъ изнывало
Въ немъ сердце полное любви!
Какъ въ безднѣ моря утопало
Оно въ бунтующей крови.

Аллея темная предъ ними —
Вошли — все пусто; лишь однѣ,
Подъ кипарисами нѣмыми,
Бѣлѣютъ скамьи въ сторонѣ.
Садится дѣва. — Грудь вздымаясь,
Подъемлетъ дымчатый покровъ;
Уста мѣшаютъ звуки словъ,
И вотъ сказала, запинаясь:
— Такъ, чужестранецъ, я звала
Тебя къ свиданью въ наши стѣны;
Законъ Гарема, страхъ измѣны —
Зальмара все превозмогла.
Владѣть неопытной душою
Я невластна.... Узнай, тобою....
Отъ той поры, когда со мной
Сошелся ты во тмѣ ночной,
Тобой однимъ съ тѣхъ поръ живу я;
Твои черты, твой милый взглядъ....
Напрасно ихъ душой бѣгу я —
Онѣ вездѣ за мной слѣдятъ.
Мои померкнувшія очи
Забыли миръ и нѣгу сна;
Какъ мѣсяцъ бурной полуночи,
Моя минутная весна
Печальнымъ облакомъ зашмилась;
Я вѣрить счастью разучилась

И, кажется, давнымъ-давно
Забыло, бѣдную, оно.
Въ борьбѣ страстей истаевая,
Я гибну, молча, между дѣвъ;
Дышу тобой, какъ чувствомъ рая,
Забавы, пышность — все презрѣвъ,
Я юности живыя розы
На тайныя мѣняю слезы.
Взгляни, съ шестнадцатой весной
Зальмара сердце погубила:
Оно изсохло, какъ могила,
Не орошенная слезой.
Послѣдствій встрѣчи роковой,
Моихъ страданій, мукъ ужасныхъ,
Безумныхъ сновъ, надеждъ напрасныхъ
Не утаить мнѣ отъ тебя.
Но, чужестранецъ, полюбя
И полюбя еще впервые:
Скажи, кто можетъ утаить,
Кто можетъ въ сердцѣ истребить
Обѣты милые, святые?
О, нѣтъ! не дважды намъ любить,
На что предъ сердцемъ лицемѣрить?
Его намъ трудно разувѣрить,
Пускай же ноетъ по одномъ. —
Сего дня, сидя предъ окномъ,

Тебя предъ нашими стѣнами
Узрѣла я. Ты грустенъ былъ,
Ты что-то съ жадностью слѣдилъ,
И, увлеченная мечтами,
Я думала.... Моей мечты
Не отгони! Увѣрь, что ты
Слѣдилъ въ волненіи за тою,
Кого.... не правда-ль, ты за мною....
За мною сердцемъ ты слѣдилъ?
Скажи, увѣрь, что полюбилъ,
Что любишь ты меня! — Зальмара
Порывомъ дѣвственнаго жара
Твои надежды оживитъ;
Она съ тобою раздѣлитъ
Своей души залогъ завѣтный,
И поцѣлуй любви привѣтный
Тебя къ блаженству возвратитъ.

Умолкла. Къ длани бѣлоснѣжной
Она главой склонилась нѣжно;
Отвѣта ждетъ, глядитъ — у ногъ,
Какъ побѣжденный полубогъ,
Сынъ Эльбы пламенный трепещетъ;
Взоръ изступленный дико блещетъ;
Въ груди то вздохъ, то тяжкій стонъ;

Слеза ланиты орошаетъ;
Начнетъ ли рѣчь — въ минуту онъ
Ее окончить забываетъ.

ЗАЛЬМАРА.

Ты тронутъ? Нѣтъ не сожалѣнье,
Одна любовь теперь нужна;
Въ любви участіе — презрѣнье....
Я умолять не рождена.
Тебѣ я сердце предлагаю,
Когда же не возьмешь его,
Тогда позора своего
Я не снесу; но я узнаю,
Кто ты, кому отдавъ мечты,
Мои красы отринулъ ты.
О, если рѣчью лицемѣрной
При первой встрѣчѣ обманулъ
Ты мой разсудокъ легковѣрной;
И если ты потомъ уснулъ
Въ объятіяхъ другой, и съ нею
Надъ легковѣрностью моею
Смѣялся въ бѣшенствѣ страстей:
Тогда.... Красавицѣ твоей
Ни гдѣ не скрыться отъ Зальмары.
Отдамъ всю жизнь желанью кары,

Найду — и мщеніе мое
Всю кровь изъ сердца у нее
Тогда источитъ адскимъ жаломъ;
Когда же здѣсь не поражу,
На небеса пойду съ кинжаломъ —
И тамъ ее не пощажу.
За чѣмъ же медлишь ты отвѣтомъ?
Или она въ Гаремѣ этомъ?
Отвѣтствуй, повторяю вновь,
Рѣши, что ждетъ меня?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Любовь,
Чистѣйшая, какъ свѣтъ небесный!
Давно восторгъ ея чудесный,
Смутивъ дремоту юныхъ думъ,
Посѣялъ въ нихъ раздоръ и шумъ.
Ахъ, долго, долго изнывалъ я!
Узнавъ тебя, чужую спепь,
Презрѣнье, угнѣтеній цѣпь
Три мѣсяца не проклиналъ я.
Другая? Нѣтъ, ни съ кѣмъ тогда
Еще я сердцемъ не дѣлился;
Ему любовь была чужда,
Тебѣ я первой покорился;

Одна заря въ вечерней мглѣ,
Одна и ты мнѣ на землѣ.
Живу, люблю, страданье гложетъ
Мою сгарающую грудь;
Разсудокъ шепчетъ: *позабудь!*
А сердце позабыть не можетъ.
Увялъ невѣрный жизни цвѣтъ —
И съ нимъ надежды лучшихъ лѣтъ:
Я рабъ, а ты .... ты дочь Махмета.

ЗАЛЬМАРА.

Что нужды намъ до мнѣній свѣта?
Любима .... ахъ не все ли тутъ
Желанья сердца обрѣтутъ?
Вотъ двѣ звѣзды! Онѣ сливаясь,
Плывутъ на небѣ голубомъ;
Слюбились свѣтлыя, встрѣчаясь;
Имъ веселѣй горѣть вдвоемъ:
Пускай же тучи снѣговыя
Возмогутъ вѣрныхъ разлучить —
Скорѣй ихъ можно погасить,
И бросить въ волны ключевыя.
Забудь враждующихъ людей
И лицемѣрную свободу,

Люби какъ я — въ любви своей
Я заключила всю природу.
Я дочь Махмета въ шумѣ дня,
Пускай зовутъ Княжной меня,
Въ часы урочнаго досуга
Я не Княжна — твоя подруга.

Руками юношу обвивъ,
Она къ груди его прижала,
И поцѣлуемъ заглушала
Страстей насильственный порывъ.
Невольникъ млѣлъ и забывался —
Какъ описать его восторгъ?
Онъ милой дѣвой любовался;
Она его!... Теперь онъ могъ
Повѣрить счастію земному;
Благословеніе былому:
Онъ знаетъ прелесть бытія!
Зальмара съ нимъ, чиста какъ радость;
Какой бальзамъ, какую сладость
Онъ пьетъ въ лобзаніяхъ ея!

Часы свиданья протекали,
Луна и звѣзды исчезали;

Ужъ сквозь туманы въ лонѣ тучь
Нырялъ зари перловый лучь.
Востокъ рѣдѣетъ; надъ древами
Легла блестящая роса;
Разсвѣта сизыми огнями
Гоповы вспыхнуть небеса. —
Среди сердечныхъ упоеній
Сидятъ любовники; для нихъ
Протяжный ходъ часовъ ночныхъ
Одна минута наслажденій.
О, ночь! помедли, ты съ собой
Умчишь всѣ радости свиданья,
И души счастливыхъ тобой
Встревожишь грустью разставанья.
Еще любовники всего
Другъ другу ввѣрить не успѣли;
Въ избыткѣ счастья своего,
Они о многомъ бы хотѣли
Поговорить теперь въ тиши.
О, ночь! помедли, не спѣши!
Опомнясь, дѣва встрепенулась,
Вздохнула, томно улыбнулась,
И погрузивъ на грудь лицо,
Сняла алмазное кольцо.

ЗАЛЬМАРА.

Возьми! носи его залогомъ
Моей любви — по гробъ твоя!
Клянусь святыней бытія,
Моимъ, твоимъ клянуся Богомъ —
Твоя по гробъ!

НЕВОЛЬНИКЪ.

Клянусь судьбой
И въ небесахъ дышать тобой!

ЗАЛЬМАРА.

Проспи! пора!... Тропинка эта
Тебя къ чертогамъ доведетъ —
Уже не долго до разсвѣта:
Заря докучная встаетъ,
Гаремъ виднѣе изъ тумана —
Пора и мнѣ туда бѣжать;
Но завтра здѣсь иль близъ фонтана
Съ тобой увижусь я опять.

Преодолѣвъ печаль разлуки,
Они безмолвно обнялись,

Въ послѣдній разъ пожали руки
И — молвивъ: *завтра!* — разошлись.
Такъ голубь лѣтнею порою,
Въ вечернемъ сумракѣ полей —
Съ голубкой встрѣтясь молодою,
Кидаетъ кормъ и мчится къ ней;
Слѣтятся, сядутъ, поворкуютъ,
Другъ друга нѣжно поцѣлуютъ,
Повеселятся, погрустятъ,
Подымутся и улетятъ.

П. Иноземцовъ.

МАРІЙ.

ПОСВЯЩЕНО

И. Я. КРОНЕБЕРГУ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дремало море въ берегахъ,
Надъ Карѳагеномъ тѣнь ночная
Плыла на сизыхъ облакахъ,
Луну и звѣзды омрачая.
Все было пусто; здѣсь и тамъ
Слѣды войны и разрушенья;
И засыпали по холмамъ
Опустошенныя селенья.

Мечъ грозныхъ Римлянъ истребилъ
Сѣдыя стѣны Карѳагена,
Онъ славу гордыхъ замѣнилъ
Цѣпями тягостнаго плѣна.

Палъ Карѳагенъ; его сыны
Простились съ прелестью свободы;
Чужимъ властямъ покорены,
Рабы — не вольные народы!

Увы, съ поникшею главой
Они въ поляхъ печально бродятъ,
И на привѣтъ страны родной
Веселыхъ пѣсень не заводятъ.
Въ чужихъ краяхъ погребено,
Истреблено ихъ ополченье;
Они рабы, имъ суждено
Терпѣть позоръ и угнѣтенье.

И здѣсь-то брошенный судьбой,
Невѣрной дружбой забытый,
Мятежникъ хитрый, вождь-герой,
Скитался Марій знаменитый;
Склонивши голову на длань,
Сидѣлъ онъ, взоръ вперяя въ волны;
Вотъ вспомнилъ славу, вспомнилъ брань
И говоритъ раздумья полный:

»Греми, греми, сребристый валъ,
Согласный бѣгъ свой совершая;
О! если бъ къ Риму ты бѣжалъ,
Къ брегамъ родимаго мнѣ края:
Тогда бы вслѣдъ струямъ твоимъ
Отрадно было мнѣ стремиться,
Взглянуть впослѣдніе на Римъ
И съ нимъ впослѣдніе проститься.

»За славой Ромула стремясь,
Свободу Бруша обожая,
Не я ли, смерти не страшась,
Громилъ, отчизну прославляя?
Я все принесъ отчизнѣ въ дань;
Отдавъ ей юности забавы,
Какъ на пиры я шелъ на брань,
И жилъ для Рима и для славы.

»О Римъ! сзови своихъ сыновъ,
Спроси у нихъ: дары ли счастья
Иль нѣги недостойный зовъ,
Или призракъ единовластья

Смущали Маріевы сны?
Спроси у нихъ, — и вѣрно скажутъ:
Мы славой Марію должны,
Тевтоны, Кимвры то докажутъ.

»Нѣтъ, нѣтъ! не будетъ укорять
Меня правдивое потомство,
Я правъ — меня ли порицать,
Меня ль винить за вѣроломство?
Я знаю Силлу, я понялъ,
Онъ шелъ къ властямъ тропой обмана,
Я гражданинъ, — и я желалъ
Исторгнуть власть изъ рукъ тирана.

»Но ты падешь передо мной,
О Силла!... Вождь минутный боя!...
Твоей ли слабою рукой
Сорвать безсмертіе съ героя?
Не долго ждать, падутъ они,
Удары праведнаго мщенья,
И Римъ познаетъ эти дни,
Внимая грому разрушенья.

»Изгнанникъ здѣсь скитаюсь я,
Мои шаги слѣдитъ измѣна;
Какъ истребитель бытія,
Среди обломковъ Карѳагена,
Завѣтной думой омраченъ,
Угрюмо дни я провождаю;
Меня бѣжитъ отрадный сонъ,
Я жаждой мщенія сгараю.«

Умолкъ. Чело его мрачнѣй,
Чѣмъ небеса ненастной ночи;
И вдругъ изъ-подъ густыхъ бровей
Сверкнули пламенныя очи;
Вотъ неподвижно устремилъ
Ихъ на чернѣющія воды,
И сонъ желанный осѣнилъ
Героя брани и свободы.

Заря будила сводъ небесъ,
Сѣдыя волны просыпались;
Въ кристаллы ихъ глядѣлъ утесъ,
Вдали туманы волновались.

Проснулся Марій — смутный взоръ
Съ грозой къ отчизнѣ обратился,
Герой вздохнулъ, и между горъ
Какъ тѣнь могильная сокрылся.

Проходятъ дни — изгнанникъ вновь
Летаетъ къ Риму думой смутной;
Сонмъ ратниковъ, пожары, кровь,
Трофей побѣдъ хотя бъ минутной —
Все это въ мысляхъ передъ нимъ.
Поклявшись мстить и за могилой,
Онъ какъ Судьба неукротимъ
И жаждетъ боя съ новой силой.

Когда завоетъ вихрь, и громъ
Отгрянетъ страшно надъ холмами:
Какъ радостно тогда кругомъ
Онъ бродитъ гнѣвными очами!
Онъ мнитъ: такъ гордый Римъ падетъ,
Такъ Капитолій затрепещетъ,
Когда и огнь по немъ пройдетъ,
И мечь въ стѣнахъ его заблещетъ.

Когда орелъ, покинувъ лѣсъ
Плыветъ въ эфирномъ океанѣ
И, низвергаясь на утесъ,
Узритъ врага въ пустынномъ ранѣ:
Какъ весело на этотъ бой
Герой Нумидіи взираетъ,
Мнитъ видѣть Силлу предъ собой
И мечь оставленный хватаетъ.

Вотще, біясь о брегъ, бѣгутъ
И мещутъ перлъ морскія волны:
Онѣ свободы не несутъ,
На нихъ плывутъ чужіе челны.
Призыва Цѣнны Марій ждетъ.
Иль измѣнили легіоны
И вѣрный другъ не призоветъ
Его на пиршество Беллоны?

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Межъ тѣмъ, какъ Силла пожиналъ
Вдали отъ Тибра лавры брани,
И Римъ колѣна преклонялъ
По мановенью мощной длани;
Друзей собравши въ тишинѣ,
Отважный Цинна мечь подъемлетъ,
И Римлянинъ въ родной странѣ
Съ испугомъ гласу бунта внемлетъ.

Какъ Этна вспыхнулъ страшный бой,
Сынъ на отца и братъ на брата
Идутъ; стеклися, — строй на строй
Напалъ — и миру нѣтъ возврата.
Ликуетъ смерть.... Стѣсненъ, разбитъ
И прогнанъ Цинна съ поля битвы;
Пылая злобой, онъ бѣжитъ
Какъ тигръ израненный съ ловитвы.

Проходятъ дни — ужъ нѣтъ заботъ ;
Погасъ вулканъ вражды народной ;
Безпечно Римлянинъ несетъ
Въ храмъ мира сердца даръ свободный.
По прежнему на площадяхъ
Законный кличъ народной воли ;
Порхаетъ радость на пирахъ
И безмятеженъ Капитолій.

Повсюду счастье и покой ;
Тиха долина боевая ;
И часто позднею порой
Идетъ гражданка молодая
На брегъ ручья, идетъ одна
Для встрѣчи пламенно-желанной
Съ влюбленнымъ юношей — она
Забыла дни тревоги бранной.

Но что ? . . . Къ чему же смута вновь ?
Несутся вѣсти роковыя . . . .
При нихъ у старцевъ стынетъ кровь,
Взрыдались дѣвы молодыя.

Союзныхъ ратниковъ съ толпой,
Искатель пагубныя чести,
Стремится Цинна въ край родной,
Неся съ собой перуны мести.

Народъ въ мольбѣ — Сенатъ унылъ
И Римъ вселенной повелитель,
Главу вѣнчанную склонилъ.
Ужъ близокъ, близокъ грозный мститель!
Идетъ.... Какъ стая враговъ злыхъ,
Быстрѣй нагорнаго потока,
За нимъ текутъ въ рядахъ густыхъ
Сыны враждующаго рока.

О! что съ тобой, державный Римъ?
Внимай, ужъ грянулъ голосъ кары!
Уже по храмамъ вѣковымъ
Какъ тучи стелются пожары!
Угрозы, клятвы, вопли, стонъ
Слились какъ гимны разрушенья;
Погибель, адъ со всѣхъ сторонъ;
Врагу и другу нѣтъ спасенья.

Но кто сей яростный атлетъ?
Кто зрится съ Цинной предъ рядами?
За кѣмъ съ побѣдою во слѣдъ
Стремятся ратники толпами?
Ужасенъ онъ! въ десницѣ громъ!
Смотрите, онъ коня торопитъ,
Летитъ какъ дума и кругомъ
Римлянъ въ пучинахъ крови топитъ.

Вотще съ молитвой на устахъ,
Съ отчаяньемъ въ потухшемъ взглядѣ,
Потомки Ромула въ слезахъ
Къ нему взываютъ о пощадѣ —
Вотще! гдѣ онъ — тамъ смерть; ему
Отрадны, мнится, падшихъ стоны;
Готовъ онъ мщенью своему
Принесть ихъ въ жертву милліоны.

Кто жъ онъ! О Римъ! ты зрѣлъ его,
Когда, дыша къ тебѣ любовью,
За честь народа твоего
Онъ, обагренный вражьей кровью,

Предъ Капитоліемъ склонялъ
Главу, увитую вѣнцами
Безсмертныхъ дѣлъ — ты ликовалъ,
Гордился ты его дѣлами.

А нынѣ .... иль не знаешь ты
Любимца дряхлаго Беллоны,
Предъ нимъ повергли въ прахъ щиты
Югурта, Кимвры и Тевтоны?
Внемли, взываетъ твой народъ:
»Бѣгите! страшенъ побѣдитель!
Онъ гибель, рабство намъ несетъ!
Се Марій, врагъ намъ, нашъ властитель!«

Утихла битва, скрылся день;
Зажглись огни сторожевые,
Медлительно ночная тѣнь
Легла на холмы вѣковые.
Въ нѣмыя думы погруженъ,
На рубежѣ долины ратной
Блуждаетъ Марій; сбросилъ онъ
Тяжелый щитъ и мечь булатный.

Онъ мнитъ: »свершился подвигъ мой....
Римъ! ты смиренно преклоняешь
Свою главу передо мной;
Но ты судьбы своей не знаешь.
На завтра снова грянетъ громъ,
Опять заблещетъ факелъ мщенья;
Въ Сенатѣ дерзостномъ твоемъ
Я заплачу за оскорбленья.

»И гдѣ жъ защитникъ стѣнъ твоихъ?
Гдѣ, гдѣ ты Силла? Сынъ форшуны!
Приди, сорви съ рамень моихъ
Мои вѣнцы, мои перуны.
Пускай пройдутъ твои друзья,
Подобно мнѣ, на этомъ полѣ,
Безъ состраданья встрѣчу я
Рабовъ послушныхъ рабской волѣ.

»О, можетъ быть, презрѣнный тать,
Цѣною злата обольщенный,
Нежданно на меня поднять
Дерзнетъ кинжалъ свой потаенный....

Свершится жребій мой; паду,
Погибну я въ борьбѣ съ Судьбою;
Но духъ мой новую вражду
Раздуетъ въ Римѣ предъ тобою.«

Сбылись мечты его.... Герой
Не долго славой наслаждался!
Онъ палъ.... Надъ дряхлой головой
Кинжалъ измѣны не взвивался;
Воитель смертный не купилъ
Счастливыхъ дней своей отчизны:
Надгробный гимнъ предвозвѣстилъ
Ему потомства укоризны.

Проходятъ годы — палъ и Римъ;
На боевой его долинѣ
Другой народъ мы нынѣ зримъ,
Другая рать шамъ ходитъ нынѣ.
Герсевъ Рима нѣтъ какъ нѣтъ;
Но не забыты ихъ дѣянья;
Былъ грозныхъ и великихъ лѣтъ
Хранятъ народныя преданья.

П. Иноземцовъ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Не березанька съ гибкимъ яворомъ сплеталась,
Красна дѣвица съ юнымъ рашникомъ розставалась.

Расплела печаль кудри русыя, шелковыя ;
Взволновалися груди полныя, молодыя.

Изъ очей ея, что ключи съ горы, слезы льются ;
Руки бѣлыя вокругъ милаго такъ и вьются.

Ахъ! за чѣмъ меня, ненаглядный мой покидаешь ?
На кого меня безутѣшную оставляешь ?

Много на небѣ свѣтлыхъ звѣздочекъ ночь встрѣчала,
Много рашниковъ на святой Руси я видала :

Пусть удалые за родимый край ищутъ славы,
Не ходи лишь ты, соколъ ясный мой, въ бой кровавый!

Тамъ, слыхала я, острый мечь блеститъ передъ строемъ,
Рѣки пламени роютъ землю тамъ съ ревомъ, съ воемъ.

Если лютый врагъ друга милаго тамъ погубитъ?
Кто жъ тогда меня сиротинушку приголубитъ?

Ахъ, къ кому на грудь съ дѣтской радостью упаду я?
Отъ чьего тогда зарумянюся поцѣлуя? —

Не послушался добрый молодецъ дѣвы красной,
Полетѣлъ стрѣлой на кровавый бой соколъ ясный.

Не березанька во чистомъ полѣ засыхала,
Красна дѣвица отъ кручинушки изнывала.

П. Иноземцовъ.

МОГУЩЕСТВО КРАСОТЫ.

ПОДРАЖАНІЕ АРАВСКОМУ.

Щекъ твоихъ горячихъ пламя
Въ первыхъ утреннихъ лучахъ,
Словно вѣющее знамя
Заблистало вдругъ въ очахъ.
Розы, мирты присмирѣли,
Видя прелести твои;
Звучно въ честь твою воспѣли
Сладкопѣвцы соловьи.
И, восторженъ, очарованъ,
Бѣдный плѣнникъ твой, у ногъ,
Неизбѣжной страстью скованъ,
Испустилъ послѣдній вздохъ!

И. Петровъ.

1832.

ЗАВѢТНОЕ КОЛЬЦО.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Берёзанька-ль кудрявая,
Отъ вѣтра гнется — ломится;
А розочка душистая
Ко травкѣ томно клонится.

Такъ дѣвица - красавица
По миломъ другѣ плачется,
Что водополь весенняя
По чисту лугу льетъ рѣкой.

»Кольцо мое, завѣтное!
»Безъ друга, друга милаго,
»Мнѣ золотомъ кого дарить?
»Скажите: что мнѣ въ золотѣ?«

✣

Сняла кольцо съ руки своей
И въ быстры воды кинула:
»Неси волна, шуми волна!
»Любовь свою я съ нимъ дарю!

И. Петровъ.

1832.

ГАДАНІЕ ТУНГУСОВЪ (*).

СѢВЕРНАЯ СЦЕНА.

Ночь. Скалы и утесы Енисея. Толпа Тунгусовъ окружаетъ стараго Шамана. Посреди пылающій костеръ, сложенный изъ огромныхъ кедровъ. Двое Тунгусовъ подаютъ гадателю одежды, обвѣшенныя металлическими изображеніями змѣй, драконовъ и другихъ животныхъ; такой же запонъ, шапку, украшенную крыломъ ворона, и овальный бубенъ.

ШАМАНЪ, *ударяя въ бубенъ.*

Отъ живущихъ отчужденный,
Отчужденный отъ родства,
Отъ земнаго существа,
Въ тайны Неба посвященный,

(*) Стихотвореніе сіе написано еще въ Сибири. Миѳологическія и религіозныя понятія Тунгусовъ о Вышнемъ Существѣ, мистическія волхвованія ихъ Шамановъ, имѣющихъ какое-то сродство съ древними Магами и Волхвами Египетскими, до нынѣ, кажется, не были описываемы въ близи. Изображеніе ихъ въ семъ стихотвореніи заимствовано мною изъ собственныхъ наблюденій и, находящагося еще въ рукописи, любопытнаго сочиненія о шаманствѣ краѣ *А. П. Степанова*, бывшаго Енисейскаго Гражданскаго Губернатора. *Сост.*

Преклоняя къ вамъ главу,
Вышни силы, васъ зову!
Низойдите! низойдите!
Дней покровъ разоблачите!

ХОРЪ.

Вышни силы онъ зоветъ!
Низойдите! низойдите!
Дней покровъ разоблачите!
Пусть, что будетъ, предречетъ!

ШАМАНЪ.

Ты, *Аркунга*, духъ воздушный!
Мракъ и свѣтъ тебѣ послушны,
Тайны знаешь ты земли,
Даръ предвѣденья пошли!
Да, тобою вдохновенный,
Міръ весь мыслью обтеку —
И живущимъ во вселенной
Жизнь иль гибель предреку!

Странъ подземныхъ обитатель,
Этыгранъ, зла обладатель,
Духъ болѣзни моровой,
Въ міръ влетающій зміёй!
Безпощадно всё мертвящій!
На призывъ отважный мой,
Кроткій, мирный, не разящій,
Ты предстань передо мной!

Ты, крылатый *Іиняны*,
Кѣмъ возносятся Шаманы
Отъ печальныхъ оныхъ мѣстъ
Выше солнца, выше звѣздъ!
Ты, даръ жизни предержащій,
Кѣмъ всё дышетъ на земли!
Свѣтозарный, лучезрящій!
Зóву кроткому внемли!

Ты, *Хвананы!* Ты, *Миряда!*
Духи неба, духи ада!
Ты духъ бури, грозный *Торъ!*
Васъ зову я на соборъ!. . .

ХОРЪ.

Низойдите! Низойдите!
Дней покровъ разоблачите!

Слышенъ полетъ невидимыхъ.

ШАМАНЪ,

содрогаясь при ихъ приближеніи.

Вотъ — я вижу: черный вранъ
Осѣнилъ меня крылами!
Я прозрѣлъ временъ туманъ!
Сонмъ духовъ паритъ надъ нами!

Упадаетъ въ безпамятствѣ.

ОДИНЪ ИЗЪ ТУНГУСОВЪ.

Чу!. . . Надъ нимъ поднялся вранъ!
Страшно!. . . Вотъ встаетъ Шаманъ!

ШАМАНЪ, *вставая.*

Всё теперь я видѣлъ ясно!
Други! будущность прекрасна;
Видѣлъ я ея зарю:
Слава *Бѣлому Царю!*

ВСѢ.

Слава Бѣлому Царю!

Расходятся. Полный разсвѣтъ озаряетъ скалы и утесы Енисея.

И. Петровъ.

1832.

ОРЕЛЪ.

Завидую Орлу, летящему по волѣ:
Какъ путь его широкъ! просторно какъ ему,
На крылья опершись, гулять въ лазурномъ полѣ,
Гдѣ не подвластенъ онъ земному ничему.

⁂

Какъ пышный домъ, его вселенная пріемлетъ;
Ликуя въ небесахъ, чуть зримъ для нашихъ глазъ,
То на границу бурь полетъ онъ свой подъемлетъ,
То отдохнуть потомъ садится на Кавказъ.

⁂

Какъ весело ему! какъ воленъ онъ повсюду!
Нѣтъ мѣста для него, гдѣбъ крылья не взнесли,
И только съ высоты онъ видитъ эту груду
Ненужной для него, окованной земли.

⁂

А мы, ничтожные, какъ этотъ червь ползущій,
Мы къ ней пригвождены.... За тѣмъ и скучно намъ!
Напрасно рвется умъ, далече насъ зовущій:
Весь путь нашъ по землѣ отъ стѣнъ къ другимъ
стѣнамъ.

*

Вездѣ препятствія, нашъ каждый шагъ забота:
Душа угнетена какъ жалкая раба.
Куда ни оглянись, вся наша жизнь работа,
Тоска, ничтожество, и вѣчныхъ нуждъ борьба.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЗА.

Стран.

Байскаго (*П. Б.*)

Недобрый глазъ. Малороссійское преданіе.. 3

* * * * *а.*

Отрывокъ изъ Романа : *Рапсодіи*..... 14

Солова (*О. М.*)

Недосозданіе..... 62

С. р. з. к. го (*И. И.*)

Отрывки изъ Записокъ о сшарцѣ Григоріѣ Сковородѣ, Украинскомъ Философѣ. 67

С * * * *.

Двѣ каршины..... 93

Бредишъ 97

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стран.

Иноземцова (*П. И.*)

Двѣ главы изъ Восточной Повѣсти: *Зальмара* 107

Марій 145

Русская пѣсня 159

Петрова (*И. М.*)

Могущество красоты. Подражаніе Арабскому 161

Завѣтное кольцо. Русская пѣсня 162

Гаданіе Тунгусовъ. Сѣверная сцена 164

Ю * * * *.

Орелъ 169

ВИНЬЕТКА.

Алеенштета (*И. И.*) Видъ Харькова: Лопанскій мостъ. Мѣлочныя лавки. Университетъ. Присутственныя мѣста и проч.